

- [Слово на Успение Пресвятой Богородицы](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Слово на Успение Пресвятой Богородицы

Помещаемое ниже слово, как гласит надписание в рукописи, было произнесено св. Георгием Схоларием в августе 1464 г. в Патриаршей Обители «Блаженнейшей», когда ему пришлось в третий раз принять правление [Церковью](#). Сохранилось оно в двух греческих рукописях Парижской *Bibliothèque Nationale* N 1289 и 192?. Было издано в сопровождении латинского перевода в XVI томе [Patrologia Orientalis](#) (Р. 570—587) Mnsr. Жюжи. Находится оно также и в 1-м томе Полного собрания сочинении [Геннадия Схолария](#), с. 197—210.

В этом богатейшем по содержанию слове рисуется другая сторона догмата о Пресвятой Богородице, именно — действие Божественной благодати в Ней и путь земной жизни Пресвятой Богородицы, который несравненно превосходит путь какого-либо святого на земле и должен быть уподоблен только жизни Ее Божественного Сына. Святой Георгий Схоларий рисует и личную святость, и заслугу Пресвятой Богородицы, но если в слове на Введение преимущественно изображается личная заслуга Пресвятой Богородицы, то в этом слове преимущественно изображается действие благодати в деле Воплощения. Действие Божественной благодати и личная высочайшая добродетель Пресвятой Богородицы как человека прекрасно сочетались в Ее лице. Св. Георгий Схоларий указывает на два образа жизни подвижника: деятельной добродетели и созерцательной жизни. Следуя высоким подвижникам-исихастам и особенно св. Григорию Паламе (которого он был горячим последователем),¹ св. Георгий Схоларий делает различие между этими двумя путями: путь деятельной добродетели — это путь Марфы, путь служения, путь, так сказать, материального подвига: путь же созерцательной жизни (или «созерцания») — это путь Марии, оставившей все и сидевшей у ног Спасителя, это путь непрестанного предстояния мыслию своей пред Богом; это — путь полного забвения всего мира и всего окружающего, этот путь, как и явствует из слов Спасителя Марфе, является из этих двух путей наивысшим. Но часто, быть может, в большинстве случаев, за исключением непосредственных благодатных излиятий в душу человека, путь деятельной добродетели является необходимым преддверием для восшествия в созерцательную жизнь; как бы то ни было, оба пути святы и совершенны, но второй совершеннее; именно этому второму пути и посвящен весь 5-й том [Добротолюбия](#).

Те личные добродетели подвижничества, которые превзошла Пресвятая Богородица, достигши предела как деятельной, так и созерцательной жизни, а также Ее благодатные дарования и то исключительное место, которое Она заняла в деле спасения людей, став Матерью Воплотившегося Бога, ставят Ее выше не только всех земных святых, но и выше всех ангелов; Она ближе всех предстоит Богу.² Последовательно св. Георгий Схоларий рисует нам картину пренебесной славы Пресвятой Богородицы. Далее он останавливается на теме дня и вкратце рисует нам чудеса, бывшие при Успении. Указывает он на два мнения, существующих в византийском богословии, о судьбе тела Божией Матери, и разделяет мнение тех, которые считают, что тело Пресвятой Богородицы, соединившись с душою Ее, было взято на небо. Кончается слово трогательной молитвой ко Пресвятой Богородице: он уже не молит о спасении своей несчастной родины, оставляя это всецело на волю Божию и Божией Матери; множество грехов его народа, к которым прибавился и последний, роковой, навлекший гибель, — измена Православию и заключение унии, — все это не оставляет ему даже надежды на освобождение Отечества. Он просит скорее взять его из этой жизни, — так истомился он в переживании общих несчастий, видя свой народ потерявшим свой духовный облик. Он просит его взять отсюда в благочестии отеческом и в добродетели, хотя бы свидетелями этому были только [Бог](#) и Пресвятая Богородица.

Хочется отметить ту духовную близость, которая была между св. Марком Ефесским и св. Георгием Схоларием. Разлуку, вызванную смертью святителя Марка, он принял как величайшую трагедию своей жизни,³ и, подобно Иоанну Евгенику, считал это бедствие не столько личным, как общим несчастьем.⁴ В своей жизни, при доблестной помощи того же Иоанна Евгеника, он выполнял заветы святителя Марка. В своей речи, которую он говорил пять или больше лет после смерти его, снова, как мы старались показать, неоднократно Схоларий указывает на св. Марка Ефесского. И в других, более поздних произведениях св. Георгий Схоларий ссылается на авторитет св. Марка Ефесского. И, вот, в своем слове на закате своей жизни, последнем, произнесенным из числа Богородичных проповедей, опять св. Георгий Схоларий дает почувствовать свою духовную близость с великим исповедником Церкви. Так, он просит Божию Матерь взять его отсюда «в отеческом Благодестии» (т. е. Православии). Невольно вспоминаются слова св. Марка Ефесского в заключении его «Исповедания веры»: «Да не приключится мне сего (т. е. отпадения от православного исповедания), о, Утешителю Благий! Но имея от Твоего учения и Тобою одухотворенных мужей, да приложусь к Отцам моим, вынося отсюда, если не иное что, так — Православие!».⁵ И в послании к Вселенскому Патриарху св. Марк Ефесский так пишет в заключение «Будем исповедывать до последнего издыхания с великим дерзновением благой залог Святых Отцев: исповедание, известное нам с детства, которое мы в начале произносили и с которым в конце отойдем отсюда, унося если не иное что, так Православие!».⁶ И в письме к афонским монахам св. Марк призывает сохранять свою православную веру незыблемой, и говорит далее: «С нею мы надеемся Богу предстать и воспринять отпущение согрешений; а без нее не знаю, какая праведность освободит нас от вечного мучения».⁷

Так были близки по духу эти два исполина Православия!

Слово на преставление пресвятый владычицы нашей Богородицы, написанное и прочитанное в Патриаршей Обители «Блаженнейшей», когда в третий раз мы были вынуждены отправиться туда. Индикт 12-й

1. Начало года приносит память Рождества Блаженной Девы, ставшее для всех людей началом рождения в истине и в духе, а настоящий конец года⁸ рождает память о Ее Преставлении от земли, ставя словно некую печать в ряду праздников Владычицы и празднуемых в них Божественных дарованиях, чтобы, таким образом, как бы в постоянной орбите, Матерь Бога Слова была Пределом для нас и плотской, а не только духовной жизни. Потому что после Божественного Провидения Она является образцом для нас настоящей жизни тем именно, что Она явилась, вместе с Богом, Виною для нас вечной жизни как в силу Своего служения Таинству (Воплощения Христова), выполняя для сего назначение соестественного орудия, а равно и тем, что Она Своим образом жизни была (для всех) и образцом, и предтечею.

И вот всем людям, и мне вместе со всеми дается из года в год эта великая радость, такое счастье устрояется — потому что составлявшие законы соблюдения праздников делали это не столько по той причине, что так им было угодно сделать, сколько распределяли все согласно действительному соответствию вещам. Мне же лично, с самого начала того времени, как я пришел в возраст, вместе со многими иными благами, которых Она была причиной, Она допустила, чтобы, как некий начаток различных подвигов на поприще словесности, а вместе и как плод возмужалости, я посвятил Ей славословие на Благовещение, каковое, будучи снабжено мелодией, было тогда успешно и воспето, и декламировалось; даровала же Она нам, уцелевшим доселе, при ослаблении такого рода ревности, и сему соответствующий случай; именно, присовокупить мое конечное приношение после многих иных речей, между тем Ей принесенных, — как завершение, надо полагать, моего тщания и моей жизни; и, по Бозе,

благодарение Ей за все это! Слава Ему, Который нам в слабостях, в скорбях, в настоящих испытаниях, как и в ожидаемых — и личных, и общественных — даровал нам Ее как норму, и пример, и успокоение надежды, и благоденствие, и путеводительство; и не только нам, но также и всем, которые, так или иначе, имели прикосновение к чудесам, относящимся к Ней; лучше же сказать — всем людям вообще, даже если и не все желают видеть это отверстыми очами. Если привести к единству это третье⁹ приношение Ей нашего слова, то можно сказать, что итогом всех благодеяний Божиих по отношению к нам, которые пришли к нам через Нее (или благодаря Ей), является ЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА НЕБО, которое празднуется нами не в счастливом собрании, как то бывало раньше, но в благочестивом собрании ради Благочестия (Православия), терпящем бедствие, в собрании с самого начала верных и. в равной степени, поборников (Православия).

И поскольку все относящееся ко всему касающемуся Ее Таинству было предметом восхваления как многих иных, так и нас. в наших более ранних речах, — насколько это было по силам, потому что полностью постичь это невозможно ни для ума, ни для слова человеческого, даже если бы и все для этого объединились, — и поскольку, далее, те чудеса, которые происходили во время Ее Преставления, были прекрасно поведаны иными, то нет необходимости. мы полагаем, ни повторять, ни излагать то же в иной форме. — ни то, ни другое не входит в наше обыкновение, мы же и вас напитаем и Праздник почтим более новыми дарами Ей, с Ее и соизволения, и просвещения, лелея надежду на благое достижение, и полагаем, что, почитая Матерь Божией Премудрости, долженствуем мы явить это наше почитание не столько словами, сколько — любомудрием (φίλοσοφία). Итак, (в нашей [проповеди](#)) мы ничего не станем прибавлять к тому, что как иными ранее, так и нами самими было сказано; если же явится нужда связать нашу тему о Таинстве с общим изложением событий, то пусть никто справедливо нас не укорит, что таким образом мы нарушили обещанное.

2. У всех predetermined для вечной жизни, поскольку и по природе, и по разуму они двигаются к этой цели, естественным началом сего счастливого пути является собственная старательность, сопутствующая естественной способности, а равно наставление родителей, как и руководство воспитателей и учителей, к тому же и собственное рвение и упражнение в прекрасном, благодаря чему, сделавшись причастниками прекрасного поведения и благоустроившись к деланию добродетелей, они всю склонность воли направляют на добро, и хотя возникающие от впечатлений (чувственного окружающего мира) засады несколько им противопоставляются, но отскакивают от них, как наглые собачонки, тут же хлестаемые «палкой» разума; серединой же для них является приближение к бесстрастной жизни, которою жительствоуют очищенные, как бы уже лишенные связи с телом, у которых все желание устремлено исключительно на Бога, потому что не пренебрегли они ничем из того, в силу чего открывается возможность пролагать к Нему свой путь; конец же — божественная, свыше в них воссияющая жизнь они еще не входят в полной степени в причастие Божества, но, обретая Оно, насколько это возможно для находящихся в сем теле, весьма непосредственно обращаются мыслью к созерцанию Божественных судеб, именно так — как имеющие в себе Бога и во всем своем восприятии мира прозревающие Сего Виновника всего, как это и приличествует Богородице и исполненным отсюда возникающими парованиями. И, вот, поначалу они обращались со своим телом, как с врагом; затем заботились о нем и о поддержании его жизни настолько лишь, насколько кто заботится о средствах своего передвижения или о своем сотруднике, потому что оно уже становится послушным и не противится духу; в конечном же итоге, они терпят его как тень, сопровождающую их, или как свыше наложенное на них бремя, и уже отнюдь не телом, но духом жительствоуют.

3. Таковою, насколько приличествует в кратких словах ее начертать, является, или, вернее,

таковою была некогда здешняя жизнь для подобных великих людей: такой человек необходимо наследует вечную жизнь, что и отвечает пожеланию Того, Кто единый прекрасно ведает и силен ее дать, как, напротив, для проживших противоположным сему образом предстоит нескончаемое бедствие. Эту же самую жизнь, после чудесного освобождения. Он дарует равно и телам, на основании душ. когда тела снова сочетаются и соединятся с ними уже более счастливо в условиях, отвечающих оной жизни и оному месту. Но когда Божие Слово в Воплощении восприняло паче естественным образом человеческое естество, то Этот Человек никак не последовал этому именно пути. Потому что, как истинному Человеку, Ему довлело для совершенного Домостроительства жить по человеку, являя Собою превосходнейшего, как подобает, но живущего душою и пользующегося телом; но, как Сыну Божию и Богу, Который в Себе Самом паче естественным (чудесным) образом воспринял человека и сочетал его с Собою в едином лице, Ему соответствовал образ жизни более превосходный, чем по человеку, и невозможно выразить — насколько более превосходный; а также Ему следовало передать воспринятому Им (человеческому естеству) вход в сию вечную жизнь, как и весь образ жизни, отвечающий сему; посему наш Иисус прожил воистину не только по примеру всех иных людей, но и превосходнее всякого человека; не говорю я о Божественных Его чудесах, ни об одном лишь образе человеческой Его жизни, но говорю о самом порядке такого образа жизни.

Потому что не постепенно Он достиг верха добродетели; и не где-то в ином месте положенной цели Он искал; и не на основании подавления страстей плоти и очищения души через (сначала) более смиренные дела Он достиг больших добродетелей, приличествующих очищенному; и не в строгом порядке Он поднялся от деятельной к созерцательной жизни; но Он был вместе и Человеком, и — Обладателем всей человеческой добродетели в целом, потому что таковым было Его предызбрание; обладая человеческим разумом, Он имеет его неизменным и без борьбы с чувственностью ведущим к добру, как это присуще (Его) естеству. И Он Сам был и Целью, и сразу же воистину Тем, Кто соответствует сей Цели.

4. Пророчествовал о нем [Исаия](#), говоря, что прежде, чем познал или предпочел дурное, Он избрет благое ([Ис.](#) 7, 16), — тем возвещая, как представляется, меньшее, хотя и великое по себе пророчество относительно высочайшей Тайны; в действительности же, да и вообще никак, невозможно было бы Ему избрать зло, как и не было тогда ничего того, что бы Он не знал. И, подлинно, телом Он преуспевал с возрастом, но небесная благодать сразу же, от младенчества, была Ему присуща; и хотя душою Он от рождения был совершенным, однако поскольку телом возрастал с возрастом, то на этом основании видящим представлялось, будто бы добродетель Его возрастала с возрастом. Насколько же можно установить вероятность сверхъестественного Таинства, дело представляется так, что Божественный Дух создал в Деве плоть, сразу же устроенную как посредствующее орудие и как уже одушевленную; душу же в теле запечатлело Божие Слово, нигде не отсутствующее, как Бог, тут же особенно присутствующее. Потому что такова была воля Его, вместе с волей Отца, пославшего Его. Конечно, Он творит и иные души в людях, но Он чрез иных ее и вводит; в Себе же и в сочетанной с Ним тогда плоти Он Сам Собственную ей душу запечатлел.

Тем не менее, Он был рожден согласно общему закону и, родившись, вскормлен как истинный Сын Человеческий и Человек. Таким же образом и возрастом Он преуспевал; но совершенство души было в Нем от самой Материнской утробы; нуждался же Он в созревании (посредствующего) орудия (т. е. воспринятой Им плоти) не для того, чтобы образовать Себя или упражняться ради приобретения чистоты и мудрости, но чтобы пользоваться им, рожденным по закону, именно так, чтобы меньше приводить в замешательство тех, которые поражались в Нем, даже и в детском возрасте, неизреченной премудрости и разуму. Для этого-то была нужда и в Матери, и в Ее Обручнике и хранителе; все это, конечно, подобало для Его тела, как долго была

по закону в том нужда; благодать же свыше была Ему присуща не только когда Он сменил первый возраст на второй, но и когда был новорожденным Младенцем.

5. И, вот, созерцательную жизнь Он имел в полноте сразу же, с самого начала, так что в самой ранней юности поражал всех мудростью и Своими ответами; конец же Его жизни среди людей, ради чего именно Он и был среди человеков, явил полноту Его деятельном жизни. И каждый из этих двух образов Его жизни требует множества слов, лучше же сказать — никакое слово недостаточно ни для одного из них; для настоящей потребности достаточно и то, что сказано. Итак, хотя все добродетельные среди людей восходят от деятельной жизни к созерцательной, потому что, и будучи несовершенными, они, однако, имеют в себе искорку и зародыш совершенства, чтобы постепенно и с трудом прийти к более совершенной жизни, но Господь наш Иисус, будучи более превосходным, чем человек, сразу же до конца обретя полноту созерцательной жизни, не оставил в отношении Себя без внимания и деятельную жизнь. Когда же пришло время все усилие обратить на спасение человека, тогда, пребывая выше естества, Он весь предался деятельной жизни, которая всем иным должна была принести спасение, Ему же — преестественную славу: за то, что Он до такой величайшей степени смирился. Он должен был быть вознесенным, и за то, что Он добровольно подчинился суду дурных, (вся) земля и небо и все сущее покорилось Ему и преклонило колена; и тем, что Он понес наказание, будучи безгрешным, он удовлетворил (ἰκανοποίησιν) соединенному с Ним Богу Слову и посланному Его Отцу, в требуемом самим естеством с таких давних времен приговоре (τὴν δίκην). Надлежало же все это сделать Тому единственному, Кто, не только вследствие достоинства, подобающего естеству Божия Слова, но и потому, что только так возможно было спасти естество, — должен был родиться бессеменно.

Потому что было необходимо, чтобы Чистый выступил в защиту нечистых, за родственных Ему; Человек — но возмещающий Собою все естество человеческого рода, ибо имеющий в Себе достоинство и силу соединенного с Ним Бога. Происходящему же от семени невозможно было не иметь и соприсущей оттуда скверны (прародительского греха), которая оттуда, путем такого именно распространения, падает на всех людей. Для того же, чтобы Он мог выступить в защиту всех родственных Ему, нужно было иметь подлинную Мать, и зачатие, и развитие во чреве, и рождение, и вскармливание, и все то остальное, что по закону естества соответствует людям. Таким образом, Тому, Кто был зачат бессеменно, естественно последовала паче естественная она жизнь.

6. Естественно отсюда, что и Ей, долженствовавшей родить Его, сразу же соответствовало все, имеющее отношение к присущему Ей Таинству. И жизнь Ее согласовалась с подобными великими и соответствующими Божией Матери чудесами. Потому что Она имела родить без мужа. Для тех же, которые произвели Ее на свет, Она разрешила позор бесчадия и тяжкое горе, превосходящее всякую надежду; и с молитвами их, пусть и о весьма тягостном, ¹⁰ издревле совпадало Божественное Предопределение. И Она, будучи Девой, и душою и телом чистейшей, имела дать Творцу участие в Своей плоти (τὴν δημιουργὸν τῶν αὐτῆς σαρκῶν ἐμελλε) — у родителей же Ее было все то, что приличествует Такому Чаду: и древний род, и собственность, и чистота души и тела. И благоговейно Гавриил был возвестителем Ей об имеющих немедленно прийти Ей с неба благах, — а чрез Нее, всему миру, — и издавна предсказанном благоденствии человеческого рода; родители же Ее чрез многие способы откровения знали, что Она будет и есть Божественный Плод от них и что чрез Нее (или: по причине Ее) Бог желает почтить весь человеческий род; Захария же, не оказав веры ангелу Божию, предрекшему ему деторождение в старости и, при бесплодии, имущего възгратися во чреве его матери, и предтещи, и свидетельствовать, и пророчествовать, и послужить крещением Чудесному Чаду родственной ему Девы, понес наказание, выразившееся в онемении до исполнения события. И вот, когда Она

родила, ангельские славословия наполнили воздух, и волхвы, издав далеко и потрудившись, с благоговением принесли дары Рожденному, и на кажущуюся убогость отвечали не так удивлением, как величайшей радостью, что не обманулись в своих надеждах, построенных на основании Божественных Судеб; но и прежде, чем Она родилась. Божественные откровения предвозвестили Ее будущую славу.

И Ею должен был родиться Святой Святых, как говорят Исаия и Даниил ([Ис.](#) 57, 15; [Дан.](#) 9, 24); и (потому) не без вдохновения свыше родители передали Ее во Святая Святых; и, кратко сказать, все то, что чудесным образом совершалось в отношении имеющей быть Рожденной и Родить, было предтекущим еще большим чудесам, которыми Воплотившийся от Нее обставил Свое пришествие (в мир), соразмеряя блеск истины Домостроительства с ограниченной возможностью людского восприятия. И перечислить их не было бы вне рамок (нашего рассуждения) и настоящей потребности; но непосредственной нашей темой является сама жизнь Блаженной Девы, жизнь, которая жизни Рожденного от Нее, а не кого из иных людей, как достоин сказать, была *сообразной*, и которую надлежит проследить и полезно изучить.

7. Итак, следовательно, Она (подобно Ее Божественному Сыну) не шествовала постепенно к добродетели, не путем очищения себя возымела состояние чистоты, не одним усердием получила равно- ангельную степень, находясь во плоти и прежде, чем возобитал в Ней Владыка ангелов: но Она была Орудием. Богом сразу же уготованным в соответствии с таковым служением — ранее того, как наступило время служения, которое требовало не только чистоты души и тела, но и соответствующего возраста последнего. Поэтому Имеющий воспользоваться Сим Орудием позаботился сначала приготовить Его; если же ни одна душа сама по себе не могла бы оборудовать себя так, чтобы явиться достойной для такого служения, то насколько менее могло бы это сделать естество тела, сопряженного с нею.

Итак, не только содействовала Она и подала руку Его благому произволению, как обстоит дело у иных добродетельных людей, но так лучше сказать: достойным образом Она предоставила совершаться в Ней положенному приготовлению, так, чтобы его действие, по данному состоянию и силе, было во всем отвечающим Его воле; состояние же это стало Ей присущим не вследствие деяний, во множестве и по порядку совершаемых в течение долгого времени и усердия, но с небес оно было вложено в (Ее) естество, чтобы, таким образом, Ей не оставался присущим ни малейший след недостатков естества. И что бессемейное зачатие дало Рожденному от Нее, это же самое в Ней, хотя и рожденной от семени, произвела Божественная благодать: и это так, чтобы в Обоих чистота была поражающая; в Рожденном от Нее была бы более славной, вследствие Его естества, не имеющего никакого основания для нечистоты; и, как имеющая родить Чистейшего, Она должна была быть чистейшей немедленно же, хотя и имела бы соприсущее естеству основание для нечистоты.

8. Поэтому чистоте Матери, первой и последней в степени счастья, присущей Ей в человеческом естестве, все, конечно, было сообразным сему; посвящение Богу; обитание во Святая Святых, единственной среди всех иных дев (живших рядом в девичьих покоях, находившихся снаружи), во исполнение прообразов, которые там ¹¹ находились и которые служили прообразами именно Ее; чудесный образ жизни в священных местах; наблюдение самих ангелов; совершенство души, восходящее вместе с ростом тела; восходящее не от деятельности к созерцанию, не от самоочищения к состоянию постигнутой очищенности, не от положения наемников в состояние сынов, не от нетвердого предания себя Богу — к незыблемому и всегда пребывающему; нет, — для Нее восхождение выражалось в степенях любви и в просвещениях свыше, все более и более осиявающих Ее душу, преданную Божественной любви, в то время как тело, вследствие сочетания с Такой душою, наслаждалось жизнью, всецело подаваемой ею, и, по этой причине никакого неудобства не причиняя, как

чистейшее, сочеталось с чистейшей и служило ей. Далее изложу сжато: благочестивый уход Ее из Храма, когда уже приблизилось время таинства, к которому Она была приуготовляема, обручение с имеющим в будущем благовременно послужить Ей и Таинству и прекрасно позаботиться как о Ней, так и относительно тех, которые стали бы не доверять или иметь сомнение относительно поразительных чудес, совершенных над Нею, с давних пор будучи просвещенной для этого, Она не пришла в смятение при виде Гавриила, не выразила сомнения относительно чрезмерности возвещений, как это сделал Захария относительно вещи менее поразительной, хотя он был архиереем и старцем и сам не непривыкшим к видениям и явлениям ангелов. Горячая же забота, после Рождества, о Рожденном, приличествующая Сыну и Богу со стороны Матери и Рабы Такового, было для Нее, Которая до этого времени предавалась созерцанию и сжилась с ним, началом деятельной жизни; это делание, однако, не явилось для нее ни добавлением к созерцанию, ни его убавлением. Потому что не ради Себя Самой; не ради иных чрез Ее посредничество; не уступая естеству; не по единому человеколюбию к иным; но — целесообразно и последовательно, по любви Она служила Владыке; и с Кем беспрестанно была умом, с Тем, и Явившимся, Она была соединена; и, служа телесно, с радостью, всецело искренней и величайшей — одним словом, священной, Она переносила последующие труды, в частности и те труды изгнания, о которых было проречено пророками издавна.

9. Поскольку же Владыка наш был занят подвигами Домостроительства и уже мало был с Матерью, Она и Сама, сообразуясь с трудами и заботами о всех Ее Сына и Владыки, хотя и находясь отдельно от Него, но со-трудясь с Ним в Своих молитвах и размышляя о том, каков будет результат сего необычного нового дела, таким образом, и не будучи вместе с Ним телесно, более пребывала с Ним возвышенным и божественным образом, пока не предстала Распятому; а при Его Воскресении и Вознесении сорадовалась вместе с созерцавшими Его; труды же учеников в их путешествиях были прекрасно общи и Ей в любомудрейшем жительствовании, в сожитии со скромностью, в сообразовании со Страстями Сына и Бога; как Он добровольно подвергся им, так и Она по любви к Нему доблестно переносила их, не только для того, чтобы, как восприявшая первое освящение, еще больше освятившись таковою общностью с Богом, тем самым превыше всех насладиться небесными благами, но равно и по законной справедливости, дабы не оставить без внимания то, что иными с усердием было делаемо. И если Сыну Ее и Богу, узаконившему людям путь небесной жизни, долженствовало первому, Самому, на деле проделать его и на Своем примере показать легчайшим для тех, которые, вследствие тесноты, связанной с ним, напрасно проявляли нерешительность, — то как бы могла Она, обладая довлеющей прекрасностью благодати, пренебречь Своим вкладом или не воздать посильное благодарение за паче естественное избрание Ее, или же не явить делами, как Он явил, закон Любимейшего иным, а особенно женщинам, дабы и женское естество отнюдь не отставало от мужеских подвигов, имея в Ней Такового Вождя; как и действительно оно боролось, и в борьбе за Благочестие, и в подвигах для стяжания добродетели, сотрудничая и уподобляясь Ей насколько это возможно.

Таким образом, то, что к Ней относилось прежде зачатия и рождения (Божественного Сына), было даром небесной благодати, освящающей Ее, и это было необходимо в силу нужды в том для Нее, без трудов с Ее стороны, в паче естественном освящении Ее для такого соучастия с Богом. А, вот, ее деятельными добродетелями (как мы выше показали) были труды, понесенные Ею после всего, — всецело отвечающие Божественному порядку, так чтобы и вследствие их Она была достойной (предназначенного и вверенного Ей) служения; но то, что Она возмогла быть predeterminedена для служения именно по причине этих (имеющих последовать) трудов Ее, отнюдь не устраняет того, что и Сама по Себе (т. е. без наличия трудов с Ее стороны) Она могла быть всецело достойной оно́го служения.

10. Отсюда, когда должноствовало преставиться Ей, томившейся во Божественном Сыне — и это в гораздо большей мере, чем Павел,¹² желавший разрешения, что и очевидно, потому что Она была соединена с Христом гораздо более божественно и близко и достигла здесь предела добродетели, в то время как Павлу должноствовало продлением проповеди приумножить свои венцы, — и то, что относилось к Ее исходу, было устроено в согласии со всей Ее жизнью, именно: предвозвещение Ей приближающегося исполнения желания; болезнь, соразмерно распорядившаяся временем перед Ее Преставлением, как для показания сущего в Ней чудесного любомудрия, так и на пользу тех, которые тесно находились при Ней, готовящейся к смерти; восхищение по небу апостолов к Ней из таких дальних расстояний, доставившее им и Ей такую великую радость; исходное пение над Ней, смешанное с печалью и радостью; славословия ангелов, со-воспевающих Ее, Восходящую на небо, наполняющие воздух и чрез уши проникающие в сердца присутствовавших тогда; чудеса умершего всесвященного тела; с благоговением и страхом предание его земле; отсутствие искомого мертвого тела; не без значения перемещенного отсюда, дабы имело некую большую судьбу то тело, которое даровало Богу плоть.

Какою же была его судьба, то один Бог ведает; мы же, люди, каждый по-своему предполагаем. Так, одни говорят, что это священное тело было перенесено туда, где был Рай на земле, где и должно ожидать Второго Пришествия Христова; и оно не воскреснет тогда подобно прочим телам, потому что оно долженствует оставаться точно в таком состоянии, без какой-либо перемены, каким оно было немедленно после смерти, но тогда оно должно будет только ожить. Другие же утверждают, что оно ожило в третий день после смерти, когда душа (Богородицы) сошла с небес вновь в него и, испытав оное изменение и перемену, которые ожидаются для имеющих воскреснуть тел (при Втором Пришествии Христовом), было вместе с душою взято на небо; такого мнения, как более разумного и совершенно правдоподобного, мы сами держимся.¹³ Те же возвещения о близости, которую Она там имеет к Нему, которые последовали после сего и которыми Владыка почтил Свою земную Мать, какое слово могло бы выразить?!

11. Относительно же Ее благоволения к людям, как и о Ее заботе о тех, которые здесь с благоговением призывают Ее, невозможно, чтобы кто-либо из людей имел сомнение; а то, что Ей почти все возможно по причине дерзновения, которое Она имеет пред Могущим даровать, утверждается на основании очевидности дел. Потому что кто из благочестиво прибегших к Ней отошел неудовлетворенным?

Какой же город и народ, и семья, отчаявшись в человеческой помощи, не были в той или иной мере избавлены от всякой угрожающей опасности? Прибегающим к Ней и, как просительную ветвь,¹⁴ несущим покаяние во грехах, Кто как не Она, для душ, покаянно возвращающихся к божественному страху и любви, является Поручительницей и Покровительницей? Кто кроме Нее в многочисленных бедствиях жизни является Пристанищем и Прибежищем? Кому, после Творца всего, вся земля приносит хваление, за исключением разве тех, которые и Творца не знают, потому что добровольно ослепляют себя, чтобы не видеть света?¹⁵

12. Находясь ныне на небесах, Она в Себе сочетает лики блаженных душ, еще же и ангелов, — имея участие во всех прекрасных, от Бога подаваемых благодатных дарованиях, каждому лику святых порознь присущих: мерою же (этих дарований) всех превзойдя и одна преимуществами всех с избытком будучи украшена, Она незамедлительно оказалась поставленной выше всех ликов. Как не быть гораздо большей тех, которые во смирении и очищении плоти жили, не зная утехи, и пустынях, Той, Которая и прежде таковых подвигов была освящена, а потом их так прекрасно восполнила, что и без наличия первичного

просвещения благодаря им справедливо удержала бы главенство над всеми (подвижниками), избравшими такой образ жизни?

Мученическое произволение, украшенное превосходством любви, которое заключается в том, чтобы с радостью положить душу за любимого и которое граничит с очевидной опасностью смерти, является характерной чертой у идущих на мученичество за истину; добровольное же и ежедневное умирание чрез ненависть к телу и чрез длительность трудов ради стяжания священной любви является ничуть не меньшим делом у преподобных. И, вот, такие люди прекрасно бывают мучениками в мирное время, пусть и не имеют случая для мученичества перед лицом гонителей; если же призовет время, тогда не отступают и от мученичества в прямом смысле слова. И стал ли бы кто отрицать, что Блаженная Дева была из всех людей наиготовейшая избрать смерть за истину, если, в отношении истины, и для Ее Охранителя, и для Нее Самой было тождественно с любомудрием явить то мученичество в мирное время, о котором мы выше говорили — в чем Она не явилась уступающей никому из первых?

Совершенно ясно, что священство и заключающееся в нем достоинство во всем соответствует Ей, связанной с ним неразрывной цепью поколений, в храме воскормленной, там ведшей особый образ жизни и исполнившей душу тем, что совершалось там, чтобы пойти далее тех образов, которые заключались в нем, — и Родившей Высочайшего Архиерея, Который принес Себя в жертву за тварь.

Пророки же во много раз меньше Ее, — не только потому, что Она послужила причиной того, что они прекратились, потому что явление Ее было пределом и окончанием пророчеств, но и потому, что, как Пророчица, Она воспета самими же пророками и самим делом была явлена как Таковая, именно когда Она предсказала, что Ее ублажат все роды и что для других людей имеет наступить величайшее дело Божия Промысла, в силу чего и Она Сама будет возвеличена Божественным могуществом.

И апостолам Она, конечно, Владычица, не стечением обстоятельств, а добродетелью поставив Себя в их чине, а равно и потому, что общему Владыке, восхотевшему облечься в образ раба, Она была Матерью. Поэтому и обходя землю, они Ее поставляли во главу (евангельской) истории Домостроительства (воссоздания людей), а когда оставляла Она землю, они исполнили долг, какой они должны были Владыке; потому что не возмогши присутствовать, когда Он умирал и когда был погребаем, будучи охвачены страхом за свою жизнь и по иным причинам Домостроительства, они теперь надлежащим образом исполнили служение по отношению к Его Матери, при содействии в исполнении этой цели благодати свыше, которая их, при полном желании не бывших в состоянии это сделать, чудесным образом доставила к Ней.

13. Если чины блаженных, будучи с земли перемещаемы в среду ангельских сил так, чтобы они были бы расположены в составе более высоких ангельских чинов, т. е. выше меньших не только людей, но и самих ангелов, к чинам которых они причисляются, и если дело обстоит так для всех, от первых до последних, то естественно, что Блаженная Дева, поставленная на небесах выше человеческих чинов, должна находиться и выше ангельских сил, вместе с которыми расположены чины блаженных с земли; и Она помещена в чине первом и значительно более превосходном (чем все силы ангельских сил). И это является великим даром Божиим в отношении людей и имеет весьма разумное основание. Потому что блаженные, принадлежащие к восьмому чину ангелов, — дабы и сами имели таковой чин среди однородных им, — блаженнее всех ангелов, находящихся в девятом чине, превосходя их если и не дарами естества, то даром преестественного высшего счастья, раз установлено, что своим естеством бесплотные существа превосходнее душ, созданных здесь вместе с телами. И нет ничего неестественного в том, что блаженные люди разделяются на чины как соразмерно явленному ими здесь (в земной

жизни) любомудрию, так и в соответствии с божественными дарами, приданными к сему любомудрию; и нет ничего несправедливого в том, что чины блаженных причислены к ангельским чинам, поскольку божественные мужи говорят, что самой целью творения Богом человека было пополнение отпавших оттуда ангелов. Потому что допускаю необходимость того, что души, очищенные здесь от материи, в силу снизанного с большим трудом усердия, ничуть не меньше тех, которые по естеству получили от Бога в удел не иметь ничего общего с телом; а в отношении степени (этого состояния блаженства) полагаю, что он соответствует разряду (ἐπίταξις) преестественного высшего счастья, о чем я уже говорил. Следовательно, надо ли удивляться, если то, что соответствует иным блаженным в отношении друг друга, будет в равной мере, как и ко всем, относиться к Ней, находящейся над всеми блаженными; и что, следовательно, в силу даров благодати, которые превосходят дары благодати у всех, Она поставлена выше всех, и даже — первых, в разряд которых помещена? — Потому что если долженствует Ей, как Рабе Божией, иметь место среди рабов Его и созданий, то как Божией Матери, Которая, в соответствии с дарами, полученными здесь, воспрिया там еще большую полноту счастья, Ей подобало занять и иметь первое место среди наиболее возвышенных творений.

14. Но настало уже время хвалебным воспеваниям Божией Матери, хотя никакое слово недостаточно для сего; но Она, подражая Божественному человеколюбию, определяет Свое благоволение не согласно нашим достижениям, но согласно нашим благим побуждениям. Когда же нынешний Праздник требует исходных воспеваний, то и, действительно, воспевают их все повсюду хоры верных; и как тогда, когда священный оный Сосуд (т. е. Свое тело) Она оставила на краткое время, — потому что Ей было бы невозможно воссоединиться с ним, если сначала Она не отделилась бы от него; что равным образом домоостроительно относится и к Владыке всех; почему, и будучи безгрешным, Он понес наказание за согрешивших, почему и умер, хотя и был сильнее смерти, потому что Он не от семени происходил; потому что, вместе с первыми началами рода, мы являемся общниками как всякого иного возмездия, так и того, которое заключается в смерти, поскольку за грехом следует возмездие; — и так, как тогда от всех была соткана песнь: от священного лика апостолов: от множества верующих, устроивших Ей священное погребение; от собрания ангелов: одних — с благоговением принимающих от тела родственную им и равноангельную Ее душу, других — идущих навстречу, иных же — сопровождающих в непонятной нам и свойственной духам поспешности, а иных — уготовляющих небесные врата, иных же — уступающих Ей место, Входящей для самого непосредственного предстояния возле Бога; — так и ныне, наполняющая весь мир, вверху и внизу, Божия тварь, пребывающая в памяти оногo дня, делает его предметом песнопений в честь Благодетельницы.

Мы же остановились только на одном из восхвалений, именно: мы представили чрезвычайную (паче-естественную) Божественную благодать в Блаженной и сопутствующее ей упражнение в добродетели, в которой Она не может быть сравнена ни с одним из иных людей, — именно как и воссиявший от Нее Иисус, воспривший от Нее человеческое естество, явил его достойным, насколько это возможно было, Своего восприятия. Затем, мы возвестили все относящееся к Ней и слагавшееся вокруг Нее, что не только ныне, но и ежедневно мы воспеваем, вспоминая как земную Ее жизнь, так и славнейшее Ее Преставление; как дерзновение Ее на небесах, так и те надежды, которые мы возлагаем на Нее, и дары, подаваемые от Нее, которыми Она отвечает на благочестивые надежды, — так, чтобы, после Бога, быть для нас «Всем». Пусть все Ей и принесут посильное хваление, для нас же, как и следует, было достаточным показать Ее блаженное, превосходящее всех людей состояние как в Ее жизни, так и в Преставлении, полностью от Бога данное, а затем личными Ее стараниями закрепленное, —

и этим исполнить наше задание, заявленное в предисловии; и, вот, по Ее допущению, задание это выполнено.

15. Но, о, Блаженная Дева и Матерь Сына Божия! О, украшение человеческого рода, удивление ангелов, краса всего создания, венец девства, корона бесстрастия, истиннейший Образ Бога, милостивейшая Царица! Прими ныне, вот, этот новейший дар, последний в последние времена, мною, который есть червь пред Тобою, принесенный Тебе, по Твоему же допущению, — во исполнение моего доброго желания. И представь нас Богу, в истинном покаянии ищущих Его милосердия. Его же моли согласиться пощадить нас Самого Себя ради и Тебя ради, но не нас ради и нашего недостойнства. Потому что еще недостаточно того, чтобы, быв бесстыдными в преслушаниях в отношении Такого Отца и Владыки, вернулись мы к осмотрительности, то доброе, что нами совершается, есть лишь минимальная уплата величайшего долга, — даже если и это не приводится в негодность и не обесценивается в силу какого-либо иного недостатка. Бесстыдство же в оскорблении Божественных законов остается уже совершенно непоправимым делом. Таков был бы закон справедливости. Но милость Творца, превосходящая всякое разумение, и несовершенную уплату долга засчитывает в уравновешение грехов, и до такой степени она велика, до такой степени совершенно сверхъестественна, что Сам Высочайший выступил от Себя в защиту нас — тем, что послал на землю присносущное Свое и со-существующее с Ним Слово, имевшее умереть за людей, бывших до тех пор нечестивыми по отношению к Нему, — умереть не в том смысле, чтобы Само Слово Божие подверглось смерти: умереть должно было непостижимо воспринятое от Тебя человеческое естество, которое воспринял и сочетал с Собою Бог, согласившийся на сие, вернее же сказать, — Сам того желающий и издавна того желавший, на что и человеческое естество, сущее в Нем, было согласно, ради этой причины и воспринятое Богом.

16. Довлеет, воистину, нам об этом одном молить, потому что в этом одном заключается все. Относительно же *другого* (т. е. избавления Родины нашей от турок. - А. А. [16](#)), о чем сообщаем мы все просим изо дня в день, то это мы оставляем Божественному суду и Твоему. Потому что Ты не можешь ни о чем молить Его таким, о чем Ты знаешь, что Он не дарует. Вот почему Ты не оказываешь действия и ныне, как ранее то было, в ответ на наши прошения, с которыми мы прибегаем к Тебе: это следует относить не к Твоему пренебрежению к нам, но понимать, что Ты не проявляешь участия и не останавливаешь ток события, потому что довольствуешься Божественным решением о нас, о котором Ты знаешь, что оно отвечает нашим заслугам. Потому что не может быть сокрытым от Тебя, как и от Самого Бога, насколько наши дела сообразны с нашими прошениями и какое имеют вынести решения весы человеколюбивейшего суда относительно взаимного их соответствия или же несоответствия.[17](#) Потому что недостаточно нам приступать и просить, и умолять, но должна быть положена основа из дел, чем мы, отвратившись от прежних безрассудств, а вместе и с сокрушением, возможем порадовать Могущего даровать в ответ на наши прошения.

Так, некогда было время, когда сему Отечеству нашему и всему народу Ты вместе с Богом даровала лучшую судьбу; это было тогда, когда мы держались Его законов. Потом мы стали уклоняться (или: «терять рассудок»), и по этой причине, по Небесному Суду, стали наказываться испытаниями; Ты избавляла от угрожавших опасностей вновь прибегавших к Тебе и присовокуплявших к молениям исправление нравов, тут же закрепляемое делами и многими обещаниями на будущее Но когда [зло](#) в нас возросло, и заслуженные бедствия наступили с еще большей остротой, как справедливо следует рассматривать последние бедствия, — разве они не могли бы стать действительно *последними*, если бы мы сразу же пожелали прекрасно покаяться и исследовать и устранить причины, вызвавшие эти бедствия; мы же, напротив, если на какое зло раньше и не осмеливались, то теперь и его присовокупили,[18](#) — и так испили мы чашу

последнего гнева и бесплодными воплями не смягчили, а еще более раздражили Бога.

17. Итак, если Он допустил, чтобы мы, жившие тогда, были умерщвлены,¹⁹ потому что до такой степени дурно и всеми способами огорчали Виновника жизни в нас; если, вместе с нами, Он сразу же покинул и последующих за нами, то какая могла бы быть еще надежда на воскресение, раз и того, что мы умерли, мы не чувствуем? Или, лучше сказать, по здравому и правильно-определяющему суждению: какое из крайних бедствий не должно нам (еще) ожидать от этого справедливого последования навлеченных на себя несчастий, если только нечто еще осталось от крайних зол? Об этом (т. е. о спасении нашей Родины) мы уже не станем докучать ни Тебе, ни Богу, довольствуясь Его судьбами; но сознавая, чего стоим мы сами и окружающие нас, мы больше не храним в себе на это никакой надежды; впрочем, настолько лишь храним ее, насколько научаемся из довлеющего и редчайшего примера:²⁰ ни в коем случае не терять надежды на Бога, умершего за грешников; молим же только скорее взять нас из этой жизни, потому что мы изнемогли — от одной любви в переживании общих бедствий плюс неосмотрительности иных; от того, что мы видим полную аморфность (т. е. потерю духовного облика, искажение) всего народа, недостойную Божиих и Твоих даров нам. достойную же только наших грехов, по причине которых, широко известных, нам допущено лишиться всех благ и даже до конца, увы, дойти и жить. Возьми же меня в отеческом Благочестии (Православии) и добродетели, известного Богу и Тебе, хотя бы от всех людей это было скрыто. Об этом, после первой недавно выраженной просьбы, мы чрез Тебя молим Бога, ибо Ему подобает слава и поклонение от всего сущего во веки. Аминь.²¹

Крещение русского народа в огне и слезах покаяния²²

Читая начало и конец слова св. Георгия Схолария, патриарха Константинопольского (ок. 1400—1472), на Успение Божией Матери, мы невольно обращаемся мыслью к судьбам России. Есть известная параллель между судьбами Византии и России. Пока обе страны имели идеал святости, пока были хранительницами Православия и именно святыня Православия освящала устои государственного и народного быта их, то эти государства хотя и бывали в своей истории на краю гибели, хотя и переживали страшные моральные падения, однако Бог не допускал им погибнуть

В начале своей беседы на Успение св. Георгий Схоларий вспоминает счастливых людей, наполняющих церкви в праздничные дни, людей, поющих славословия в честь Божией Матери. Так было до падения Константинополя, когда храмы были уничтожены турками, знаменитый древнейший собор Св. Софии превращен в мечеть (ныне он музей), а народ поработен. Так и теперь наши отцы и матери помнят дни, когда многочисленные храмы на нашей Родине наполнялись счастливыми гражданами; когда народ, поя священные песнопения, шел крестными ходами из одной местности в другую, а на Рождество дети пели колядки. Всего этого не стало. Пала Россия, уничтожены и осквернены бесчисленные храмы, а главные соборы страны либо снесены, либо осквернены, либо, в лучшем случае, превращены в музеи. Но нельзя сравнить, насколько турки были более терпимы в делах веры, чем безбожники-сатанисты. Почему же Господь допустил погибнуть России?

Обратимся опять к судьбе Византии, в освещении ее св. Георгием Схоларием, который так говорит: «Было некогда время, когда сему Отечеству нашему и всему народу Ты (обращается он ко Пресвятой Богородице) вместе с Богом даровала лучшую судьбу, это было — *когда мы держались Его законов*. Потом мы стали уклоняться (или, как иначе позволяет оригинал перевести: «стали терять рассудок»), и по этой причине, по Небесному Суду, стали наказываться испытаниями; Ты избавляла от угрожавших опасностей вновь прибегавших к Тебе *и присовокуплявших к молениям исправление...* Но когда зло в нас возросло, заслуженные бедствия наступили с большей остротой, как и справедливо рассматривать последние события».

Для Византии эти бедствия выражались в потере земель и городов, которые один за другим завоевывались турками, в упадке престижа Византии, в подготовительных работах турок для осады последнего убежища — Константинополя. Для России эти бедствия выражались в несчастной войне с Японией, в беспорядках в 1905—1906 гг., последовавшей за тем бедственной Первой мировой войной и, наконец, революцией. Далее, св. Георгий Схоларий говорит, что и эти последние бедствия «не были бы *последними* (т. е. *завершительными*), если бы сразу же мы пожелали прекрасно покаяться и причины бедствий *исследовать и отстранить*». Если же эти бедствия оказались окончательными и роковыми, то потому, что народ не только не покаялся, но, как говорит далее св. Георгий Схоларий, поступил противоположно сему и к прежним грехам присовокупил и «самый страшный [грех](#) — *отступление от Православия*». Византия уже никогда не поднялась и исчезла из истории. Судьбы России нам неизвестны. Они в руках Божиих. Но то ужасное роковое положение ее в настоящее время говорит о том, что мы весьма прогневали Бога и, опять же употребляя слова св. Георгия Схолария, «испили чашу гнева Его». Как предупреждали св. Марк Ефесский, св. Георгий Схоларий и приснопамятный Иоанн Евгеник, Византия погибла по причине отступления от Православия — от «Отеческого благочестия».

Мы часто склонны идеализировать Византию, находясь под обаянием ее культуры, главным образом церковной, близкой нам православной культуры, обогатившей весь мир и особенно нас, русских, драгоценными сокровищами, нашедшими место в Церкви. Но в истории Византии, как и в истории любого народа, есть много и темных мест. Бывали ужасные жестокости и хитрости, коварства и измены, и варварства. Но это были человеческие падения. Когда же Византия отреклась от своего великого назначения — быть хранительницей Православия, отказалась от своей миссии, вверенной ей Богом, — потому что так следует рассматривать ту постыдную унию, которая была заключена во Флоренции в 1439 г., — тогда ее конечный час пробил.

Каковы же судьбы России? И ее история осияваема небесным светом и являет примеры непоколебимого стояния за истину. Много раз Россия бывала на краю гибели, но не гибла. Ни монгольским племенам и татарам, ни немецким рыцарям, ни полчищам поляков, а затем шведов, французов и иных не было суждено уничтожить Россию, пока она была хранительницей Православия, приняв от Бога эту миссию после Византии. Но, увы, XIX и XX вв. в истории Русского государства — начало отступления от Православия. Интеллигенция, самый мозг государства, уже не думала по-православному. Вольнодумство, чуждые Церкви искания стали характерной чертой русской интеллигенции. Наблюдалась поверхностная принадлежность к Православной Церкви, строгая же церковность оценивалась чуть ли не как юродство. Среди простого народа православная церковность сохранялась лучше. Но была ли она всегда глубокой? Судя по описаниям деревенской жизни у наших писателей (того же Достоевского, не говорим уж о Максиме Горьком), рисуется печальная картина. А позднейшие поругания святынь, в которых повинен русский народ, не свидетельствуют ли, что русский народ терял Православие в душе?! Еще задолго до революции стал помрачаться в русском народе идеал святости, дух искания святости и подвига, делавший Россию, несмотря на ее грехи, Святой Русью. Между тем, именно Православие и делало русского человека русским, как замечает один наш писатель.

В заключение своего слова св. Георгий Схоларий сетует: «Мы видим полную аморфность», т. е. потерю духовного облика, искажение «всего народа, которая недостойна Божиих и Богородичных даров, достойна же только наших грехов, вследствие которых мы, лишившись всех благ, увы, дошли до конца». Увы, увы, это и про себя мы можем сказать.

В чем же спасение?

Надо осознать свою гибель. Не политическую — это и так ясно. *Духовную*, которая и

явилась причиной первой. По св. Георгию, для спасения надо покаяться и сразу же делами закрепить исправление, обещав в будущем стояние в истине. Мы все веруем в воскресение России; но вспомним слова св. Георгия Схолария, который говорит о подобном же чаянии своих соотечественников: «Если Бог попустил, чтобы мы, живущие тогда, погибли за то, что мы жили до такой степени дурно, и вместе с нами, вот, покинул и последующих за нами, то какая могла бы быть надежда на воскресение, когда и то, что мы умерли, мы не сознаем... Сознывая же, чего стоим мы сами и окружающие нас, мы на это уже не храним никакой надежды» Однако, зная, что Бог умер за грешников, — продолжает святитель, — мы не должны давать места отчаянию. Так и мы веруем, мы хотим верить в воскресение России. Мы живем надеждой, мы молимся, говоря: «Господи! Воскреси Святую Православную Русь!» Но опять же вспомним св. Георгия Схолария. Он говорит, что бесплодные вопли не угодны Богу и по весам человеколюбивейшего суда Божия происходит оценка: соответствуют ли наши дела нашим молениям. Только при соответствии их Бог подает просимое избавление. Мы не знаем судьбы нашей Родины: она известна только на небесах. Но мы знаем одно, как нам открыл Бог через [Священное Писание](#) и Свв. Отцев: очень многое зависит от нас самих Мы знаем, что если бы в Содоме и Гоморре нашлось 10-и праведников, эти города не погибли бы самым ужасным образом; с другой же стороны, общее покаяние ниневитян спасло их от гибели Общее покаяние константинопольцев не раз спасало их город от страшных опасностей. Церковь нас постоянно призывает к покаянию Некогда престарелого евангелиста Иоанна Богослова его ученики спросили, почему он все время говорит им одно: «Чадца, любите друг друга»? На это апостол ответил: «Потому что в этом — все». Вот и для нас сейчас это «все» выражается в покаянии. Только истовое покаяние, сохранение или восстановление своего духовного облика — православного русского человека, личное старание ходить «пред Богом» в доброй христианской жизни — является тем, что может воскресить нашу страждущую, любимую до последней капли крови Родину — Россию!

Архимандрит Амвросий (Погодин)

Примечания

См. в Ottjvres completes слово ев. Георгия Схолария в Неделю Православия, отд. 13, и слово на Преображение Господне.

Встречаются общие мысли во всех трех словах св. Георгия Схолария, что вызывается тем, что это были не трактаты, а проповеди, произнесенные для пользы слушателей в разные времена и при разных обстоятельствах.

См. надгробное слово св. Марку Ефесскому. отд. 9.

См. напр. начало писем Иоанна Евгеника к деспоту Давиду и Амирутию, изд. у Лампроса в цит. произв. Т. I .С. 155—157.

См. в нашем труде о св. Марке Ефесском. прилож. к 6-й главе.

Там же. Гл. 9, письмо 4-е.

Там же. Письмо 5-е.

В Византии год начинался с сентября месяца и кончался августом.

Слово «третье» принадлежит разночтению. Возможно, говоря как о своем третьем приношении в честь Божией Матери, автор имеет в виду его слово на Благовещенье, слово на Введение во Храм, и это — слово на Успение.

Св. Иоаким и Анна были бесплодными и в старческом возрасте, и потому [МОЛИТВА](#) их Богу о даровании им чада была молитвой, требующей чуда.

Т. е. во Святая Святых, где были кивот завета, кадильница и светильник

Фил. 16

Последняя фраза взята из кодекса 1289.

«ο κλαδοζ ικετηριαζ», здесь образно представлен обычай в древней Греции; когда обращавшиеся с просьбой о заступничестве к кому-нибудь высокопоставленному держали в руках веточку, обвитую белой шерстью, и что было знаком, что человек просит заступничества.

Представляется, что здесь имеются к виду либо магометане, либо евреи.

Мы в скобках отмечаем, что св. Геннадий Схоларий говорит намеками по причине лояльности к турецкой власти, к которой обязывали его высокий сан и должность административного главы греков под властью турок. Грекам же было прекрасно понятно, о чем говорит их патриарх, которому, конечно, как и всем грекам, была ненавистна власть турок-магометан

Т. е. мало просить Бога о милости Его. но надо и посильно заслужить ее.

Т. е измену Православию.

Т. е. погибли.

Несомненно, здесь, как замечает Mnsr. Жюжи (Patr. Orient. T. XVI. P. 570), имеется в виду Авраам.

Здесь мы держались текста, помещенного в *Patrologia Orientalis* T. XVI P. 570—587.

В моем переводе напечатано в «Православном Пути» за 1962 г.